

МИССИЯ К ВАРВАРАМ В РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

С.С. ЗВЯГИНЦЕВ

*Белгородский
государственный
национальный исследова-
тельский
университет*

e-mail: GIFRON1@yandex.ru

В настоящее время остается целый ряд нерешенных вопросов, которые связаны с историей ранневизантийского миссионерства. Здесь мы постараемся ответить на основные из них. Но, как бы там ни было, доподлинно известно, что апостолы показали себя подлинными миссионерами, проповедуя учение Христа везде, где бы они не находились. Что касается отцов церкви того периода, то они в этом вопросе не всегда были единодушны...

Ключевые слова: миссия, христианство, традиция, варвары.

Известно, что в византийской традиции остается ряд нерешенных вопросов, связанных с историей византийского миссионерства. Нам известно, что христианство получило свое распространение в основном благодаря грекам. Но что предшествовало активизации миссионерской деятельности? И что могло побудить Империю ромеев к миссионерской деятельности в VII–X вв.¹, когда она практически этим не занималась ранее в организованном массовом порядке? Носили ли мотивы, побудившие греков к подобному шагу, политический или религиозный характер? Как относились византийцы и отцы Церкви того времени к миссии?

Известно, что сама миссия как таковая еще не была сформирована в раннехристианской традиции, и слова Христа: «Идите и научите все народы...» часто не воспринимались именно как миссионерство к варварам. И тут становится показательным примером то, что взоры Иисуса, когда Он понял, что Израиль отверг Его новое учение, обратились к язычникам. Свидетельство этого перехода от внутрииудейской миссии к «языческой» можно найти в заключительных стихах Евангелия от Матфея (Матф. 28.19) (о которых мы упоминали немного ранее): «Итак, идите, научите все народы» (πορευθεντες μαθητευσατε παντα τα εθνη). Этот поворот в миссии чрезвычайно важен: он составляет главное содержание «Апостольских деяний» (см., напр., Деян. 10.28-45; 11.3-21; 15.1-19 и т. д.). При этом следует иметь в виду: понятие εθνη охватывает не столько «народы» в географическом смысле, сколько «язычников»². Характерно, что в большинстве случаев в русском переводе Нового Завета εθνη и переводится как «язычники» (Деян. 4.25; 27; 15.3-5; 7; 12; 14; 19; 18.6; 26.17; 23; Рим. 3.29; 15.18; Эф. 2.11; 1 Кор. 12.2; Гал. 3.8 и т. д.). Подчас это слово в рамках одного и того же контекста передано то как «народы», то как «язычники» (Лука 21.24; Деян. 15.11; Гал. 3.8). К тем случаям, когда εθνη переводится в каноническом русском Евангелии как «народы» (Матф. 20.25; Деян. 9.15), а тем более, когда παντα τα εθνη передается как «все народы» (Матф. 24.9; 14; Деян. 14.16; Рим. 1.5), нужно относиться с осторожностью: современное сознание обязательно делает здесь акцент на всемирном, тогда как новозаветный смысл, скорее всего, имеет акцент на конкретном: учите язычников, а не только иудеев³.

Давайте зададимся вопросом: встречаются ли среди тех «язычников», к которым обращаются апостолы в Новом Завете, варвары? На первый взгляд может показаться, что, безусловно, да. Но, в эпизоде апостольских деяний, где говорится о сошествии Святого Духа на апостолов, говорится, что в Иерусалиме в этот момент находились выходцы из многих стран, и когда ученики Христа вдруг «заговорили на их

¹ Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из варвара христианина? М., 2003.

² Cremer H. *Biblico-Theological Lexicon of New Testament Greek*. Edinburgh, 1954. P. 277.

³ Kahl H.-D. *Die ersten Jahrhunderte des missionsgeschichtlichen Mittelalters // Kirchengeschichte als Missionsgeschichte*. Bd. II. München, 1978. S. 29.

языках», эти пришельцы в изумлении воскликнули: «Мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились. Парфяне и Мидяне и Еламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Азии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киренее, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты, Критяне и Аравитяне» (Деян. 2.8-11). Однако, наряду с довольно внушительным списком перечисления стран и народов, мы находим слова о том, что «в Иерусалиме находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небесами» (Деян. 2.5). Здесь, вероятнее всего, идет речь о представителях еврейских общин, разбросанных среди перечисленных выше стран, а не о языческих жителях самих этих стран⁴.

В апокрифических «Хождениях апостолов», которые начали возникать во II-III вв., довольно много говорится о том, как ученики Христа для будущей миссии по жребию поделили между собой «весь мир». О том, что сюжет миссионерства среди настоящих варваров довольно поздно появился в «хождениях», свидетельствует разнотой источников относительно результатов апостольской жеребьевки. В целом самые дальние страны оказались уделом Варфоломея, Фомы, Матфия, Симона и Андрея, но в вопросе о том, кто из них обращал Парфию, кто Индию, кто Эфиопию, нет согласия практически до конца византийского времени⁵. Интересно, что сюда вносил коррективы еще Никифор Каллист Ксантопул, церковный историк XIII-XIV вв., который добавил в список стран, обращенных апостолом Фомой, остров Тапробану (Цейлон) и «народ брахманов»⁶. С другой стороны, даже самые культурно чуждые из объектов апостольской проповеди – обитатели «города людоедов», обращенные Андреем и Матфием, в изначальной версии легенды не являются варварами в собственном смысле этого слова: сказочное пространство этих апокрифических «хождений» больше всего напоминает условные декорации эллинистического романа⁷. Апостолы здесь страдают от козней язычников, от их жестокости – но, как ни странно, не от их нецивилизованности. Культурный барьер между апостолами и «людоедами» будет, как мы увидим, доммыслен позднее.

Хотя ни в одном из апокрифов не утверждается, что апостолы посещали сарматов или, допустим, массагетов, тем не менее, ранние христиане были твердо убеждены, что посланцы Христа обратили именно «всю вселенную». В этом смысле можно говорить о миссионерской гордости молодой религии: «Много было и у эллинов, и у варваров законодателей и учителей, проповедовавших догматы, возвещавших истину, – восклицает Ориген, – но ... никто не сумел внушить то, что он считал истиной, различным народам (εθνεςι διαφοροις)»⁸.

Однако у апологетов представление о миссии было весьма своеобразным. Например, количество миссионеров не имело существенного значения. «Слово сумело быть возвещенным по всей вселенной, – пишет Памфил Мученик (III-IV вв.), – так что прилепились к Иисусовому благочестию и эллины, и варвары, и мудрые, и глупые – хотя учителей было и немного (χαιτοιγε ουδε των διδασκαλων πλεοναζοντων)»⁹.

Не существует в этот период и какой бы то ни было идеи подготовки миссионера к его предприятию. Как, к примеру, решалась проблема языка проповеди? Ясно, что дар «говорения на языках» не оставался с апостолами после Пятидесятницы, а значит, вроде бы должны были возникать переводческие проблемы. Действительно,

⁴ Stagg F., Hinson G., Oatel W. Glossolalia. Nashville, 1967. P. 31-33.

⁵ Schermann. Propheten und Apostellegenden [Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur, Bd. 31,1]. Leipzig, 1907. S. 247-250, 270, 273-274, 284.

⁶ Nicephori Callisti Xanthopuli. Ecclesiasticae Historiae // Patrologiae cursus completus. Series Graeca / Ed. J.-P. Migne. Vol. 145. Paris, 1865. Col. 846.

⁷ Виноградов А.Ю. Андрея и Матфия деяния // Православная Энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 407-408.

⁸ Origene. Contre Celse, I, 26 / Ed. M. Borret. Vol. I [SC9 N 132]. Paris, 1969. P. 146.

⁹ Pamphili Martyris. Apologia pro Origene // Patrologiae cursus completus. Series Graeca / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1857. Vol. 17. Col. 572.

в апокрифических сирийских «Деяниях Иуды Фомы» мотив лингвистического непонимания со стороны варваров звучит единственный раз, в самом начале произведения; тогда слова апостола понимает лишь одна служанка еврейка, которая пересказывает его речь остальным¹⁰. Однако в дальнейшем, по мере усиления сказочного элемента в повествовании, эта проблема как-то сама собой исчезает: читатель так и не узнаёт, на каком наречии проповедовал Фома в Индии. Видимо, все эти проблемы должны были решиться сами собой, благодаря божественному вмешательству.

Вообще, обращение апостолами варваров мыслилось чисто символическим предприятием. Варвары должны были прийти к Богу сами, и участие в этом процессе христиан, вероятнее всего, воспринималось как вторичное, вспомогательное. «Таково это истинное Слово о божественном, о мужи эллинские и варварские, халдейские и ассирийские, египетские и ливийские, индийские и эфиопские, кельтские и латинские... чтобы вы, прибегнув [к нам], были нами научены (προσδραμοντες διδαχθητε παρ ημων)¹¹. Это фаталистическое восприятие христианизации не побуждало к установлению реального контакта с варварами.

У ранних христиан не было ответа на простой вопрос, как следует относиться к жестокости варваров, и к их опустошительным набегам. Когда враг христианства Цельс заявляет, что идея братского соединения всего человечества приведет лишь к одному – «вся земля окажется под властью беззаконных и диких варваров», то Ориген возражает ему следующим образом: «Если варвары прибегнут к Слову Божию, то станут законопослушными и кроткими». А если все же не прибегнут? – недоумевает Цельс: «ведь невозможно, чтобы Азия, и Европа, и Ливия, эллины и варвары вплоть до самых пределов вселенной согласились бы на единый закон! Мечтающий об этом ничего не понимает!» Но Ориген невозмутим: «Это и впрямь невозможно по плоти (ταχα αληθως αδυνατον... εν σωματι). Но совершенно возможно для освободившихся от нее»¹². Спорящие говорят на разных языках: устами Оригена вещает эсхатологические чаяния раннего христианства, а устами Цельса – суровый опыт римской государственности.

Можно еще добавить, что апостолы также показали себя подлинными миссионерами, проповедуя учение Христа везде, где бы они не находились. Исключением можно назвать один случай, когда апостол Павел, которого везут в суд в Рим, после крушения попадает на остров Мальта и оказывается вместе с варварами. Варвары проявили немалое человеколюбие к выжившим. Но, несмотря на это, апостол Павел даже не подумал обратить островитян в христианство.

Итак, подводя черту под феноменом миссионерства в раннехристианской традиции, можно сделать вывод, что уже в самую раннюю эпоху христиане создали свой идеал миссионера – образ «апостола у варваров», но этот идеал был лишен черт какой бы то ни было конкретности. Лишь гораздо позднее данный образ был переосмыслен как миссионерский.

Что же касается отношения к миссии в византийской церкви, то там ситуация была весьма не однозначная. С одной стороны, греки боялись исполнения пророчества о последних временах (а также это приравнивалось к евангельскому метанию бисера перед свиньями), связанного с проповедью Евангелия по всему миру. С другой стороны нам известны призывы отцов церкви того периода, к проповеди варварам. Одним из ярких примеров является Иоанн Златоуст: «Пусть никто не считает позором церкви то, что мы подготовили варваров... Это – украшение церкви!.. ».

¹⁰ Мешерская Е.Н. Деяния Иуды Фомы. М., 1990. С. 130-131.

¹¹ Hippolyti Romani Refutatio omnium haeresium, 415.

¹² Origene. Contra Celse, VIII, 72-73 / Ed. M. Borret. Vol. IV [SC, N 150]. Paris, 1969. P. 340-344.

THE MISSION TO THE BARBARIANS IN THE EARLY CHRISTIAN TRADITION

S.S. ZVYAGINTSEV

*Belgorod National
Research University*

e-mail: GIFRON1@yandex.ru

Now, there is variety of unresolved questions which are connected with history of the Byzantine missionary work. Here we will try to respond to the cores from them. But, anyway, it is for certain known that apostles have proved to be original missionaries, preaching the doctrine of the Christ everywhere where they would not be. Well and as to fathers of church of that period they in this question were not always unanimous ...

Key words: mission, Christianity, tradition, the barbarians.